

Вениамин
КАВЕРИН

ЗНАЧЕНИЕ МОТИВА

ЯЗЫК прозы ничего общего не имеет с языком кино, сказал в свое время Юрий Тынянов. Это прежде всего, разумеется, относится к классике, но в верности тыняновского суждения я убедился и на своем опыте. В экранизации романа «Открытая книга» режиссер заставил мою героиню в бане читать любовное письмо, уверяя, что на обнаженную актрису — исполнительницу главной роли сбегится вся армия. Армия не сбегалась, и фильм провалился.

«Два капитана» инсценировался первый раз в одной серии, второй — в семи. Зритель принял первый вариант — он долго не сходил с экрана. И довольно равнодушно отнесся ко второму, хотя режиссер очень старательно воспроизвел роман. Он добился некоторого успеха, заставляя зрителя после каждой части дожидаться следующей. Но первый вариант (сценарий был написан мною совместно с Е. Габриловичем) удался гораздо в большей степени. Почему? Об этом стоит поговорить.

По-видимому, и в прозе, и в стихах следует искать и найти поэтический смысл произведений. Это не фабула и не сюжет. Это тот поэтический образ, центр впечатлений, который является структурной основой художественного произведения. Вот почему удался фильм «Несколько дней из жизни И. И. Обломова».

В сущности, самые лучшие экранизации создаются «по

мотивам» художественного произведения, что само по себе полностью отвергает буквализм. Это создает необходимость поиска новой конструкции, в которой вы с радостью узнаете любимое произведение. Но не нужно снова рожать уже рожденного ребенка. Надо, чтобы его черты были узнаваемы, как узнают старого друга. Мне нравятся, например, «Бесприданница» Протазанова, экранизации произведений Тургенева, например, «Степного короля Лира».

Я хочу добавить только, что поиски поэтического образа литературного произведения в кино — это тяжелая, требующая огромного напряжения работа. Здесь важен вкус режиссера, который должен сказаться и в подборе актеров, и в ритме фильма, и в его гармонической целостности.

Я не профессиональный кинодеятель. Кино и телевидение люблю в равной мере и не отказываюсь работать для них. Все, о чем я говорил выше, это размышления человека, мысленно сопоставившего свою работу в прозе с работой режиссеров в кино.

В период моих размышлений над дискуссией в «ЛГ» мне показали одно читательское письмо, строки из которого я хотел бы привести.

«Мы, семеро студентом Московского института управления, увидели в фильме «Жестокый романс» отражение вопросов, так сильно нас всех касающихся в повседневной жизни. Мы восприняли этот фильм вне прямой связи с пьесой Островского, которая

некоторых из нас не волнует. Нам кажется странным в дискуссии, которая идет в «Литературной газете», факт «обожествления» нашей русской литературы, принятия ее как догмы, под непререкаемым эпитетом «классика». Ради чего это?

Мы живем в 80-х годах нашего века, и нас удивила фраза Е. Суркова: «Ведь мы же в 70-х годах прошлого века». Может быть, Е. Суркову и кажется, что он живет там вместе с Островским, но нас больше волнует проблема сегодняшнего дня.

Нас поразила фильм, так как нам кажется, что очень трудно полюбить человека без остатка, до конца, как Лариса. Каждый, как Вася, хочет, чтобы вначале полюбила его, ведь полностью отдать себя другому очень трудно и как-то почти нереалистично. И трагедия не в том, что вокруг Ларисы одни подонки ничтожные, а в том, что каждый человек может быть и порядочным, и нет, в зависимости от складывающихся жизненных обстоятельств: это та же проблема — это очень страшно и трудно ради чего-то почти эфемерного (ведь как определить — что было такого удивительного и оборачивающегося в душе Ларисы) круто повернуть свою жизнь, отказаться от того реального, что у него есть. Именно в критических ситуациях обнаруживается сущность человека, стоит вопрос — предать или не предать?

Нам кажется, что фильм Эльдара Рязанова очень грустный, но в жизни надо быть готовым ко всему, тем более, что, наверное, люди познают жизнь не с целью обрести приятность, а (быть может) чтобы суметь все вынести, самые тяжкие испытания.

Естественно, что Островский, живший сто и более лет назад, не мог затронуть тех современных нам проблем, которые поднимает Рязанов.

Нам показалось, что в фильме выстрел мог быть, а мог и не быть, и тогда бы Лариса присоединилась к людям, не дарящим себя, а берущим от других. И не есть ли это более приемлемый способ для людей в наше время? Ведь в массе люди не погибают под выстрелами, а изменяются внутренне. Но это тоже достаточно трагично.

Мы хотим сказать, что мысли, выраженные в фильме, важны для нас. Не только мы, случайно собравшиеся в комнате нашего общежития, но и наши достаточно многочисленные друзья думают так же».

Умное, но и достаточно наивное письмо. Конечно, то, что эти юные девушки восприняли фильм «Жестокый романс» как современное произведение, отнюдь не является его недостатком. Однако нельзя всего Островского с его глубиной и силой трактовать на одной этой волне созвучия девичьим чаяниям и грезам. Возможно, современные фильмы недостаточно удовлетворяют потребности молодых зрителей, и те пытаются найти отражение своих мыслей и чувств на экране. Но нельзя подменять проблемы. Ведь прав читатель В. С. Данненберг из гор. Пушкино, письмо которого было опубликовано в «Литературной газете» (№ 50, 1984), выразивший тревогу, что современная молодежь стала меньше читать и для нее теле- и киноэкранизации подчас являются единственным источником знакомства с классикой. Это накладывает особую ответственность на режиссеров, которые берутся за экранизации.